

Найти вы объявление: За границу несут через границу 20 м, вылетев — 10 м.
О том, кто Food и кто-то границы объявление приключается исключительно из Центральной
Который объявление „Торговать дома А. и В. Метель и Ко“ из Москвы, Мещинская, дом Сестина,
и из его объявление: из

на за авторф рад: Живкова губ., н-во войска книж. магаз. Подписания цѣны съ дост.
и преем: на 12 м.—5 р., 11 м.—4 р. 70 коп., 10 м.—4 р. 30 к., 9 м.—4 р., 8 м.—3 р. 70 к.,
7 м.—3 р. 40 к., 6 м.—3 р., 5 м.—2 р. 60 к., 4 м.—2 р. 20 к., 3 м.—1 р. 70 к., 2 м.—1 р. 20 к.
1 м.—75 к. За границу пошл. 60 к. за кажд. мѣсяцъ. Подп. считается съ 1 числа кажд. м-ца

Отдельные №№ в продажу по 5 коп.

Съездом

Допускается расорочка подл. платы П при раск.—2 р., 1 мал.—1 р. 60 и 1 августа 1 р. 60 авг. ил П) при раск.—2 р., 1 мал.—1 р., 1 ил.—1 р. и 1 сентября—1 р. За пере-
штуку адреса: каторского на каторский, город на каторский и на обратный—20 к.; городского
на городской—15 коп. Агентства конторы для почтовых, объявлений и розничной продажи открыты
во всех городах Северо-Западного Края. Счетный дом на

Статьи для напечатания должны быть представлены в редакцию автора, с его адресом, хотя бы автор желал скрыть свое имя на печати. Статьи, доставленные без обозначения условий, считаются бесплатными. Малая статья, выходящая в 10-15 строк, в зависимости от содержания, может быть опубликована в журнале, посвященном наукам, искусствам, литературе, промышленности, технике, сельскому хозяйству, медицине, педагогике, социальным наукам, а также в журнале, посвященном истории, географии, естественным наукам, философии, юриспруденции, экономике, политике, культуре, спорту, туризму, экологии, охране окружающей среды, охране здоровья, охране труда, охране жизни, охране имущества, охране чести, охране достоинства, охране репутации, охране интересов, охране прав, охране свобод, охране личности, охране общества, охране государства, охране мира, охране человечества, охране планеты, охраны жизни на Земле, охраны жизни во Вселенной, охраны жизни во Вселенной.

Статья, в случае необходимости, подлежит
изменению в соответствии с требованиями. Редакция
для получения объяснений открыта ежедневно, за исключением дней празднич-
ных, от 12 до 2 ч. дня. Контроль открыта ежедневно от 10 до 3 час. дня
и от 6—8 ч. веч.; по праздникам — от 10 до 1 час. дня.

ВЫХОДИТЬ въ Минскѣ гуд. ЕЖЕДНЕВНО

ВНЕШНЕПАРТИЙНЫЕ ДЕЙСТВИЯ ПОСЛЕ ПРАЗДНИЧНОСТИ

Телефонъ редактора № 235.

Штрихи.

Чеховъ въ могилѣ...

Многимъ провожавшимъ его въ вѣчность, несомнѣнно, приходили на память стихи, написанные молодымъ, безвременно-погибшимъ великимъ поэтомъ на смерть другого также безвременно-погибшаго величайшаго русскаго поэта, стихи, въ которыхъ вылились и скорбь объ утратѣ генія, и гнѣвъ на пошлость современныхъ условій жизни, и надежда на грядущій праведный судъ Божій...

Замолкли звуки дивныхъ пѣсенъ,
Не раздаваться имъ опять.

Пріютъ пѣвца угрюмъ и тѣсенъ,
И на устахъ его печать.

Стиховъ не писалъ Чеховъ, и если названіе „поэтъ“ приложимо только къ стихотворцу, то *такимъ* поэтомъ Чеховъ не былъ.

Но онъ былъ болѣе поэтъ, нежели безчисленное множество поэтовъ всѣхъ временъ и народовъ, ибо онъ обладалъ великою тайною захватывать душу читателя, вводить ее въ область невыплаканныхъ слезъ, невысказанныхъ словъ и невыраженного горя и настраивать ее на особенный ладъ, заставлявшій cadaго испытывать жгучую тоску по утраченному нами счастью и смутно прозрѣвать въ сѣрыхъ сумеркахъ жизни забытые идеалы человѣчества.

Отъ каждой строки произведеній Чехова вѣетъ глубокою грустью. Не отчаяньемъ, не безнадежнымъ горемъ, а именно—грустью; потому что безнадежно горевать можно только объ утраченномъ навсегда, отчаяваться можно только въ томъ, что погибло

въ катастрофѣ; грустимъ же мы тогда, когда наша ослабленная воля изнываетъ въ безсиліи передъ совершающимися событіями или когда то, что мы считали за истинное счастье, оказалось простымъ обманомъ, миражемъ, пошлымъ призракомъ неизвѣданнаго настоящаго счастья....

Какое это истинное счастье, — Чеховъ не сказалъ прямо; но онъ пробудилъ въ насъ стремленіе къ нему, освѣтивъ своимъ гениемъ изъяны переживаемой нами эпохи.

А если видны изъяны, то уже не трудно угадать, чѣмъ слѣдуетъ замѣнить ихъ; лишь бы только знать, что изъянъ есть изъянъ, а не самая суть, не искомое нашей жизни.

Кто-то сравнилъ Чехова съ чувствительною фотографическою пластинкою, точно отпечатывавшею всѣ штрихи и мелочи нашей пошлой повседневности. Не скажу, чтобы это сравненіе было вполне удачно... Фотографія не настраиваетъ. Если ужъ нужно для чеховскаго таланта какое-нибудь сравненіе, то его лучше всего сравнить съ тѣмъ музыкальнымъ инструментомъ, звуки котораго такъ чудно описаны въ его коротенькомъ произведеніи „Свирѣль“.

Впрочемъ, и весь этотъ рассказъ, по нашему мнѣнію, можетъ считаться характернымъ для опредѣленія литературной фizioноміи писателя.

Въ этомъ рассказѣ, проникнутомъ глубокою грустью, замѣчательно выражено гармоническое сочетаніе тусклыхъ тоновъ окружающей безцвѣтной природы съ тоскливымъ рассказомъ пастуха о томъ хорошемъ, что когда-то было и чего теперь уже нѣтъ, и о томъ, что будущее будетъ еще безрадостнѣе настоящаго.

Съ первыхъ строкъ рассказа на васъ вѣетъ нашею родною природою и васъ охватываетъ знакомая тоска....

„Утро было нехорошее, пасмурное. Съ деревьевъ, окутанныхъ легкимъ туманомъ, и съ папоротника сыпались крупныя брызги, лѣсная сырость издавала острый запахъ гнили.“

„Впереди, гдѣ кончалась чаща, стояли березы, а сквозь ихъ стволы и вѣтви видна была туманная даль. Кто-то за березами игралъ на самодеятельной пастушеской свирѣли. Игрокъ бралъ не больше пяти-шести нотъ, лѣнливо тянулъ ихъ, не стараясь связать ихъ въ мотивъ, но тѣмъ не менѣе въ его пискѣ слышалось что-то суровое и чрезвычайно тоскливое“.

Да, то утро нашей жизни, во время которого раздались первые звуки чеховской свирѣли, было „нехорошее, пасмурное“, даль застилалась туманомъ и едва виднѣлась сквозь деревья, заслонявшія горизонтъ, и нужны были новые приемы искусства, приемы, впрочемъ, простые („пять-шесть ноть“), чтобы открыть намъ глаза на „суровую и тоскливую“ дѣйствительность, чтобы мы знали, что эту дѣйствительность надо изжить, а не успокаиваться на ней.

Въ этомъ разсказѣ пастухъ говоритъ встрѣтившемуся приказчику охотнику:

— Лѣтъ сорокъ я примѣчаю изъ года въ годъ Божьи дѣла и такъ полагаю, что все къ одному клонится.

— Къ чему?

— Къ худу, паря. Надо думать, къ гибели... Пришла пора Божьему міру погибать.

Старикъ надѣлъ картузъ и сталъ глядѣть на небо.

— Жалко!—вздохнулъ онъ послѣ нѣкотораго молчанія. — И Боже, какъ жалко! Оно, конечно, Божья воля, не нами міръ сотворенъ, а все-таки, братуша, жалко. Ежели одно дерево высохнетъ, или, скажемъ, одна корова падетъ, и то жалость беретъ, а каково, добрый человѣкъ, глядѣть, коли весь міръ идетъ прахомъ? Сколько добра, Господи Іисусе! И солнце, и лѣса, и рѣки, и твари—все вѣдь это сотворено, приспособлено, другъ къ другу прилажено. Всякое до дѣла доведено и свое мѣсто знаетъ. И всему этому пропадать надо.

На лицѣ пастуха вспыхнула грустная улыбка и вѣки его заморгали.

— ...И все время я Божьи дѣла примѣчаю,—продолжалъ пастухъ.—Приглядѣлся я, братъ, за свой вѣкъ и такъ теперь понимаю, что всякая растенія на убыль пошла. Рожь ли взять, овощъ ли, цвѣтъ ли какой,—все къ одному клонится.

— За то народъ лучше сталъ,—замѣтилъ приказчикъ.

— Чѣмъ это лучше?

— Умнѣй.

— Умнѣй-то умнѣй, это вѣрно, паря, да что съ того толку? На кой прахъ людямъ умъ передъ гибелью? Пропадать и безъ всякаго ума можно. *Къ чему охотнику умъ, коли дичи нѣтъ.* Я такъ рассуждаю, что Богъ человѣку *умъ далъ, а силу взялъ.* Слабъ народъ сталъ, до чрезвычайности слабъ.

Мелитонъ (приказчикъ) поплелся къ рѣкѣ и слушалъ, какъ позади него мало-помалу замирали звуки свирѣли... Печально поглядывалъ онъ по сторонамъ и ему становилось невыносимо жаль и небо и землю, и солнце, и лѣсъ, и свою Дамку, а когда самая высокая нотка свирѣли пропеслась протяжно въ воздухъ и задрожала, какъ голосъ плачущаго человѣка, *ему стало чрезвычайно горько и обидно на непорядокъ, который замѣчался въ природѣ.*

Высокая нотка задрожала, оборвалась и свирѣль смолкла.

И Чехова также угнеталъ замѣчаемый имъ „непорядокъ“ нашей природы, и его дивная свирѣль была „голосомъ плачущаго человѣка“, которому было „больно и обидно“ за тотъ властный непорядокъ и за всеобщее людское безсиліе.

И вотъ высокая нота его негодующей пѣсни задрожала, оборвалась и чеховская свирѣль смолкла...

Михаилъ Ольшанскій.